

Цыбанова Надежда



На кладбище всё
спокойно

Надежда Цыбанова

На кладбище всё спокойно

«Автор»

2026

Цыбанова Н.

На кладбище всё спокойно / Н. Цыбанова — «Автор», 2026

Селесте Кэрроу некогда унывать! Впереди – научная работа о помощи призраков в расследованиях. В арсенале – кладбище и духи с непростым характером. А инспектор Артур Лейн хочет, чтобы она перестала «опрашивать покойников». Но когда каждое дело ведет к новому раскрытому преступлению, им приходится работать вместе. И, кажется, не только ради справедливости. Некроманты не боятся трудностей. Это трудности боятся их!

© Цыбанова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Надежда Цыбанова

На кладбище всё спокойно

Глава 1

– Вернись, идиотка! – орал высунувший из окна третьего этажа по пояс мужчина. А учитывая, что талии у него нет лет двадцать как – опасное он мероприятие затеял. Перевалятся через узкий подоконник – и останется Исследовательский центр прикладной магии без руководителя. – Я все прощу!

Можно подумать, будто у нас с Августом Мортимером приключилась какая то любовная история, но нет. Я всего то уволилась. Правда, немного с пафосом и апломбом. Не стоило заталкивать заявление в рот начальству. Совсем не стоило.

Чтобы не драть горло, обзывая Мортимера козлом, я с помощью выразительного жеста передала свое отношение. Мужчина резко заткнулся и покраснел.

Но до ворот центра я добраться не успела. В спину полетели новые крики, привлекая еще больше внимания к нашей парочке:

– Идиотка! Да кому ты нужна будешь?! Приползешь обратно, так и знай – не приму!

И это он еще не в курсе, что я забрала большую часть персональных наработок. Пускай заново всякие умники проводят исследования. Например, тот «молодой и перспективный» сынок друга начальника Исследовательского центра, ради которого и отобрали мою последнюю практически дописанную работу под предлогом «ему нужнее». Видишь ли, диссертация на тему «Циклы активности духов: корреляция с фазами Луны и атмосферным давлением» поможет ему стать профессором некроматической философии уже в двадцать пять лет. А то, что я в тридцать все еще младший научный сотрудник, – это «ничего страшного».

И самое обидное: сначала мне говорили, мол, какие твои годы, успеешь еще получить свою степень. А вот старшим надо дорогу уступить, они поболее тебя в науку вкладывались. А сейчас в тридцать – «не сегодня-завтра родишь, и зачем тебе ученая степень? Нам нужны профессора, сосредоточенные на исследованиях, а не пеленках и распашонках».

Даже стоя за воротами, я слышала выкрики Мортимера. Правда, сейчас казалось, что где то вдалеке из последних сил каркает умирающая ворона.

Я бросила взгляд на здание, где потратила восемь лет своей жизни, и ничего не почувствовала, кроме раздражающей усталости. Хотелось сесть прямо в плешивую клумбу и закрыть глаза. Еще помню, с каким воодушевлением я шла сюда в первый рабочий день. Казалось, что мир науки удивителен, многогранен и статусен. Все так и есть при одном условии – если ты не женщина. Ну, или чья то племянница, дочка, жена или любовница.

В квартиру я ввалилась, будто пересекла финишную ленту трехдневного марафона, и без сил сползла по прохладной стене. Это еще хорошо, что я с самого начала отказалась от комнаты в общежитии при центре, а то осталась бы на улице. Зато сейчас маленькая квартирка на другом конце города стала моим спасением от суровой действительности.

Нет работы. Нет даже и намек на романтические отношения. Нет друзей. Единственная подруга – мать четверых детей, и время на встречи у нас строго регламентировано. Нет денег. От грантов мне перепал лишь смешной процент, на который можно было гульнуть один раз в ресторане. Тараканов в квартире, и тех нет: моя любовь к стерильности не оставила им и шанса найти валяющуюся на полу крошку. И родни нет. Мама воспитывала меня в одиночку. Она умерла, когда я училась на втором курсе: дилижанс перевернулся, она упала и свернула шею.

Когда я смогла собраться с мужеством и встать с пола, за окном уже висела полная Луна. Такая отличная ночь для вдумчивого медитирования в лабораторном склепе.

Проходя мимо зеркала, я чуть рефлекторно не смахнула бледное привидение магией. Оказывается, я настолько вошла в раж, что не заметила, как сбежала из центра в лабораторном халате.

Интересно, а до меня ктонибудь хоть раз запихивал заявление на увольнение в рот начальника? Он так обалдел, что отбиваться не сразу начал. Есть у меня подозрение, что Август Мортимер не простит насильного ознакомления с моим заявлением, и никуда в нормальное место мне устроиться не даст. Жалко все же, что он не выпал из окна. Все равно бы не убился – скорее всего, подпрыгнул бы, как мячик.

Говорят, что с проблемой надо переспать, и уже с утихшими эмоциями снова взглянуть на ситуацию. То ли со мной это не сработало, то ли спала я не на том боку, но на следующий день на встрече с подругой мне все еще хочется плевать ядом. Жалко, я не умею. Максимум могу поднять духа и послать его преследовать бывшего начальника. Только Мортимер сам некромант – развеет и не заметит.

– Какой нехороший он человек, – Джейн покосилась на младшего сына, и продолжила строить замок из песка для солдатиков.

– Совсем нехороший, – сквозь зубы согласилась я, активно поддерживая подругу с помощью маленькой красной лопатки.

Справа от нас сидела дочь Джейн, и насильно пыталась кормить куклу пирожными собственного производства из песка и листьев. Слева старались что то построить. Правда, получалась еще одна кучка песка. Определенно, архитекторами им не быть. Старший отпрыск подруги наблюдал, как девочки постарше прыгают через веревочку, и наивно полагал, что мама не заметит торчащую из его кармана рогатку.

В общем, ругаться было нельзя. Приходилось выражать всю степень своего негодования максимально аккуратно.

– И что, ты действительно заявление ему прямо в рот засунула? – шепотом уточнила Джейн. – И он не сопротивлялся?

– Кажется, Август настолько удивился, что его парализовало от такой наглости, – не без удовольствия призналась я. – Сама от себя не ожидала, откровенно говоря.

– Надо было напоследок как следует пнуть! – возмущенно фыркнула Джейн.

– Мама! – влез младший сын подруги. – Ты же говорила, что бить других – это плохо!

– Конечно, конечно, сладенький, – засюсюкала Джейн. – Бить других – это очень плохо.

– Но иногда можно, если хочется, – одними губами сказала я. Подруга чуть заметно улыбнулась, поддерживая.

– Нет, ну надо же, какой пас... пассатижи, в общем, – зло хмыкнула Джейн. – И что ты теперь планируешь делать?

– Башню твою кривую исправлять, – я указала лопаткой на завалившуюся вбок конструкцию.

– Да я про работу, – подруга, не церемонясь, воткнула одного из солдатиков в вершину замка – по пояс. Видимо, чтобы враги боялись. – Может, преподавателем пойдешь?

– Я смотрю, сидение дома тебе любви к детям не добавило, – насмешливо заметила я. – Пожалей студентов. До выпуска доживут единицы. Ты же знаешь, у меня острая непереносимость тупости.

– Да, терпимость – не твоя сильная сторона, – подруга задумчиво покивала. – Помнишь слова профессора, когда ты на распределении заявила, что хочешь в Исследовательский центр?

– «Оно тебе не надо. Совсем», – изобразила я дрожащий стариковский голос.

– И какие варианты у тебя сейчас есть? – Джейн обеспокоенно посмотрела на меня.

– Ну, если не рассматривать профессию попрошайки на паперти, то могу... Даже не знаю, что и могу, – раздраженно скривилась я. – Теоретики в некромагии особо нигде не требуются. Завтра пойду в службу по поиску работы.

– А может, тебе замуж выйти? – с хитрой улыбкой предложила подруга. Она этот вопрос мне последние пять лет регулярно задает. У всех родители требуют завести мужа и детей, а у меня эту роль на себя взяла Джейн.

– За кого? – флегматично бросила я, старательно роя ров вокруг замка. Еще немного – и я найду клад. Главное, чтобы его зарыла не какая-нибудь кошечка.

– Ну, у Ричарда наверняка найдется кто-то из знакомых, – подруга, как всегда, решила назначить свахой своего бедного мужа. Мне иногда кажется, что от него все знакомые мужчины будут в ужасе разбегаться.

– Последний кандидат первым делом спросил у меня на свидании: сколько я зарабатываю, есть ли своя жилплощадь и собираюсь ли я сразу рожать, – длины лопатки для рва уже не хватало, и я взяла грабельки. – На мой вопрос, готов ли он принять роды сию секунду, мужик предпочел сбежать.

Что поделаешь – адекватных женихов разбирают еще в возрасте птенцов. Все, кто не осыплен браком после тридцати, какие-то дефектные.

– Я женюсь на тете Селесте! – неожиданно внес предложение младший сын подруги, видимо, впечатленный моим умением копать.

– Спасибо, конечно, – растрогалась я, – но есть у меня подозрение, что твоя мама не обрадуется невестке, которую раздетую снимали с дерева.

– Ну, ты вспомнила! – рассмеялась подруга. – И, если ты помнишь, я на соседней ветке с тобой сидела. В одном белье.

Я то, в отличие от Джейн, тогда была завернута в маленькое полотенчико, свалившее с меня при спуске на радость всем спасающим. Не моя вина, что пожар в студенческом общежитии нас с подругой застал, когда мы душевые посещали. И гениальная идея вылезти из окна на дерево, спасаясь от едкого черного дыма, принадлежала вовсе не мне.

– Может, на Мортимера жалобу написать? – после паузы не слишком уверенно предложила Джейн. – Мол, он задвигает молодые таланты, отбирает у них исследования.

– Ты думаешь, он один такой? – я скривилась, словно съела кило лимонов. Кажется, новоявленный жених после моей гримасы сразу потерял интерес к невесте. – Если так задуматься, то какой процент у нас профессоров женщин в науке по отношению к мужчинам? И даже если Мортимеру прикажут вернуть мне мою работу, то думаешь, он даст нормально заниматься исследованиями? Особенно после моего эпичного увольнения. Конечно, есть шанс организовать бывшему начальнику амнезию с помощью кирпича...

– Нет уж, – хохотнула подруга, – ты его прибьешь. Полумеры – это не про тебя. А ведь исследованием некромантии можно заниматься не только в центрах. Напиши работу и подай ее для рассмотрения в коллегиях. Так отнять ее никто не сможет.

Наконец то глубина рва меня удовлетворила. Младший сынишка Джейн тут же нашел где-то мертвых муравьев и принялся их хоронить с почестями в выкопанной траншее. Называется: угадай, кто из детей унаследовал мамину специализацию в магии.

– Мы вроде с тобой на одном факультете учились, – я с сомнением покосилась на подругу. – Ты должна быть в курсе, что некромагия – самая трудная из магий в плане замирений, потому что тут не твои силы оцениваются, а поднятых духов. Где я оборудование подходящее возьму?

– Я тебя умоляю, – Джейн отряхнула волосы дочери, когда пирожное, вместо того чтобы остаться на лице куклы, разлетелось во все стороны. – Ты на фантазию никогда не жаловалась. Подумай о какой-нибудь бытовой теме, к примеру. Лично мне бы очень не помешала няня с железными нервами. Ну, или мертвая, потому что такую уже ничем не напугаешь. О! Придумала! – она радостно захлопала в ладоши. Старший сын, практически вытаскивший рогатку,

быстро затолкал оружие обратно и притворился, что просто любит облаками. – Тебе надо обратиться в брачное агентство!

– Куда? – я удивленно захлопала ресницами. – Как мы с обсуждения некромантии съехали на это непотребство?

– Вот будет у тебя трое детей, ты тоже привыкнешь думать обо всем и сразу, – назидательно заметила Джейн. – Не ищи пока работу. Отдохни хотя бы недельку. Походи на свидания. Может, потом и не захочешь возвращаться к ворчащим и вредным призракам.

– Есть подозрение, что прямо со свиданий я побегу в службу по поиску работы, – скорбно вздохнула я, – лишь бы больше таким не заниматься.

– Давай договоримся о пяти встречах? – Джейн невинно похлопала ресницами. – Если ничего не выйдет – больше приставать к тебе с этим не стану.

– Никогда? – подозрительно уточнила я.

– Конечно! – с таким невинным видом заявила подруга, что я не засомневалась ни на секунду – руку за спиной она прячет не просто так. Наверняка сложила пальцы в отводящий жест.

На следующий день я без всякого энтузиазма сидела напротив владелицы брачного агентства в обшитом бархатом кресле. Правда, продавленном. Хозяйка, как и все помещение вокруг, выглядела кричаще показательной – издалека. Из очень очень далекого далека. Приближаться и приглядываться я не советовала бы никому. Ее бы в этом макияже ночью выпустить гулять по улицам – инфаркт у встречных прохожих гарантирован.

Первое, что бросилось в глаза, когда я переступила порог офиса самого известного брачного агентства, – показная роскошь, будто сошедшая со страниц глянцевого журнала. На полу лежал пушистый ковер цвета благородного пурпура – настолько толстый, что ноги утопали в нем по щиколотку. Вдоль стен выстроились резные шкафы из «красного дерева», а на столике у окна красовалась ваза с искусственными орхидеями, лепестки которых блестели так, будто их покрыли лаком час назад.

Но стоило присмотреться, и к агентству появлялось много вопросов. Ковер местами был протерт до дыр. Я чуть не ощутила всю его мягкость своим лицом, когда зацепилась каблуком за торчащую нитку. Шкафы только издали казались массивными и дорогими – имитация из тоненьких досок, покрытых лаком для яркости. И совсем не стоило лезть к цветам: задев один из горшков, я подняла такой столб пыли, что чихали мы всем агентством долго.

В общем, ни на что хорошее уже не рассчитывала. Главное, чтобы женихам было чуть меньше ста лет.

– Селеста Кэрроу, – с трудом разобрала мой корявый почерк женщина. – Младший научный сотрудник. – Она бросила на меня пристальный взгляд, словно прикидывая, переключит ли внешний вид мою не самую престижную среди запросов кандидатов должность. – Есть своя квартира. – Тут она благосклонно мне улыбнулась. – Тридцать лет. – Мой возраст почему то прозвучал с укором. – Замужем не состояла, и детей нет. Что ж, думаю, у нас есть, что вам предложить.

На свет была извлечена весьма потрепанная папка. Причем рядом лежала красивенькая и пухлая, но ее владелица решительно отодвинула в сторону. Сразу чувствуется, что мне предложат самых отборных и «вылежавшихся» женихов.

– Есть пять кандидатов, которым подойдете вы... Ой, то есть которые подойдут вам. Бухгалтер, тридцать два года. Сорокалетний владелец небольшой пекарни. Библиофил, сорок два года. Самый старший из кандидатов – сорокапятилетний критик. И начинающий писатель, тридцать пять лет. Предлагаю вам встретиться со всеми. Наше агентство устраивает очень романтические свидания – это позволяет лучше узнать партнера.

Я вздохнула. Отступать некуда. Пять встреч. Может, хоть одна будет в ресторане, и удастся поесть на халяву? По крайней мере, снимки кандидатов отторжения не вызывали. Впрочем, как и энтузиазма.

Как обычно собираются девушки на свидания? Долго выбирают наряд, укладывают волосы, наносят макияж. Некоторые начинают процесс ранним утром, чтобы успеть на встречу к часам пяти вечера. Я же с сожалением отложила рабочий костюм и вытащила из шкафа платье. Надо, наверное, обновить гардероб. Только осталось придумать, где на это взять денег. Волосы я по привычке затянула в строгую прическу. А с макияжем предпочла не экспериментировать, и пойти без него. Последний раз я штукатурила лицо еще в будни студенчества. В Исследовательском центре за это легко можно было получить замечание от старшего коллеги: «Это храм науки, а не танцульки».

К моему разочарованию, первое свидание меня ждало не в ресторане, а в парке. Вообще-то месячную норму по прогулкам на улице я выполнила еще вчера с Джейн. Как бы организм от обилия кислорода не хлопнулся в обморок от счастья.

Первый кандидат ждал меня у входа рядом с памятником какому-то генералу. И бухгалтер, и каменный генерал были оба без цветов. Пришлось напомнить себе, что меркантильность – это плохо. Да и не факт, что он не купит мне букет потом. Может, он боялся, что никто вообще не придет.

– Альберт Уиллис, – сухо представился он и потрудился протянуть ладонь для рукопожатия, не говоря уж о поцелуе пальчиков.

– Селеста Кэрроу, – в ответ не менее дружелюбно отозвалась я.

– Ну, пойдем, что ли, – он кивнул на вход в парк.

– А почему именно прогулка на свежем воздухе? – осторожно решила поинтересоваться я. Вдруг молодой человек меня еще приятно удивит заботой о здоровье?

– Потому что бесплатно, – с ноткой превосходства бросил кавалер через плечо.

Вот на этом встречу можно было посчитать оконченной. Только мне было жалко времени, которое я потратила на дорогу, поэтому все же пошла следом за Альбертом.

Душевной беседы не случилось. Ничего личного, однако я предпочитаю не обсуждать свои финансовые дела с первым встречным. Да и про сравнение цен на рынке и в лавках – не самое увлекательное для меня занятие. А про скидки я слушала чуть ли не зевая, не забывая периодически кивать, поддерживая возмущение Альберта.

Мы вышли к пруду с лавочками, расставленными по кругу, и лотком с мороженым. Я намекнула, что сейчас жарко, и было бы неплохо немного охладиться. На это молодой человек поджал губы и твердо сказал:

– Знаете, я придерживаюсь концепции осознанного потребления. Лучше наслаждаться видом.

Я никаких дурацких концепций не придерживалась, поэтому окончательно смирилась с первым провалом, и пошла покупать себе холодную вкусняшку.

Но Альберту Уиллису все же удалось удивить меня, крикнув в спину:

– А мне, пожалуй, тоже можно маленькую порцию. Вы же не против?

Альфонтс продался за мороженое. К такому меня жизнь не готовила.

Сидим мы на лавочке, любуемся озером, от которого тиной несет, уток слушаем. Кандидат в женихи мой старательно маленькой ложечкой мороженое ковыряет, растягивая удовольствие. Я то свое быстро съела и теперь не знала, чем себя занять.

Какой шанс в парке услышать крики: «Распродажа!», «Скидки!», «Акция!», «Куда лезешь, дура?!»? Как оказалось, вполне реальный. Альберт аж привстал от возбуждения, услышав самые эротичные в его понимании слова.

Из кустов за нашими спинами вылетело нечто белое. Когда поняла, что это попугай, выкрикивающий рекламные лозунги, быстренько погасила зеленое пламя. Я, может, и теоретик, но рефлексy имею.

Кустам этого показалось мало, и они выплонули к нам в компанию еще и запыхавшегося инспектора.

– Это важный свидетель! – заявил вновь прибывший, тяжело дыша и согнувшись, упираясь ладонями в колени. – Сбежавший!

– Мы рады за птичку, – усмехнулась я. – Свидетели тоже свободу любят.

Инспектор недобро прищурился. В этот момент попугай, круживший над нами, явно чувствуя себя орлом, резко спикировал на плечо моего кавалера. Альберт радости от знакомства не оценил и, вскочив на ноги, заверещал:

– Уберите! Уберите этого хищника!

Я тоже поднялась с лавочки и на всякий случай сделала шаг в сторону, чтобы выплясывающий первобытный танец кандидат в женихи не отдал мне ноги.

– Он мороженого хочет, – спокойным тоном подсказала я.

– Но это мое мороженое, – обиженно возмутился Альберт.

– Которое я купила, – мне было не жалко ровно до момента, когда он начал ущемлять птичку.

– Да подавись ты! – непонятно кому рявкнул молодой человек и швырнул стаканчик на землю.

Попугай расправил хохолок и крылья, намереваясь спикировать вниз за лакомством, но идиот – пора вещи называть своими именами – отшатнулся, и почему-то в мою сторону.

Я взмахнула руками, чувствуя, как подошвы скользят по траве, а тело, повинувшись тому, что земля внизу, устремилось ей навстречу. Только упала я в озеро. С виду вроде и неглубокое, но, когда вода сомкнулась над моим лицом, паника не заставила себя ждать. Намокшая одежда тянула вниз, а подол платья спеленал меня, как младенца. Я отчаянно забила руками и ногами, выгибаясь и пытаясь добраться до поверхности.

Пока я судорожно барахталась, попала по чему-то ногой. В следующую секунду меня с силой рванули вверх. Никогда еще так не радовалась инспекторам.

– Спасибо, – прохрипела я, болтаясь в руках мужчины, словно глушеная рыба.

Он держал меня за плечи на вытянутых руках перед собой. От радости чуть не полезла обниматься, но инспектор недовольно цыкнул и разжал хватку:

– Придумали тоже, – проворчал он, выбираясь на берег, – топиться в общественном месте. Да тут воды по колено. Вылезайте, а то простудитесь. Надеюсь, что ногу вы мне не сломали своим пинком. Чуть два утопленника не стало.

К моему удивлению, на берегу Альберта уже не было, только попугай, спокойно клевавший мороженое.

Еще четыре таких свидания я точно не переживу!

Утром следующего дня мне хотелось сменить специализацию и стать проклятийником. Чувствовала я себя после купания в не очень чистой воде отвратительно. Полночи полоскало. Зато легкий оттенок зеленого на лице хорошо гармонировал с костюмом. Платье надевать на свидания я больше не буду.

Ричард Тортон назначил встречу в уютном кафе с ароматными десертами. Опять меня не покормят нормально. По снимку помню, что это весьма представительный мужчина. Не так красив, как Альберт Уиллис, но имеет собственную пекарню.

Стоило мне толкнуть дверь кафе, и с ног буквально сбил визг. По небольшому, некогда опрятному помещению перемещался клубок из рук и ног. Я замерла в нерешительности.

– Селеста, – из-за крайнего столика поднялся Ричард, – надеюсь, вы не боитесь детей? Тут сегодня небольшой праздник отмечается.

А-а, так это визжит малышня? Какое облегчение, а то уж больно на неупокоенного духа было похоже.

– Что вы, – мягко улыбнулась я, – дети – это прекрасно.

– Проходите, – меня оперативно убрали с дороги детей, мирно разносящих кафе. – Я рад с вами познакомиться.

– Взаимно, – чтобы докричаться до собеседника, приходилось практически орать. – А ваш здесь кто?

Ричард умильно улыбнулся и ткнул куда-то в толпу детей:

– Это мои близнецы от первого брака. Это тройняшки от второго. А вот младшая, Эмили, – она со мной живет по выходным.

– Шесть детей? – переспросила я, чувствуя, как холодок медленно ползет по спине.

– Пока шесть, – важно кивнул уже бывший кандидат в женихи. Во-первых, три брака на что-то да намекают. Во-вторых, я хоть и люблю детей, но быть воспитателем в группе не собираюсь. – Я вообще считаю, что чем больше детей, тем лучше. Вы закажите себе десерт и кофе. Не рискнул делать это заранее, поскольку до вас все равно бы не дожило. И когда обратно пойдете, тарелку повыше поднимите. Они уже свою норму сладкого съели. Если добавить сахара, перевозбудятся и станут неуправляемыми.

Так это еще детки примерные и послушные? Мне даже интересно стало, сколько Ричард Тортон потребляет успокоительного ежедневно.

Аккуратно по стеночке, внимательно следя, куда ставлю ноги, я с трудом добралась до прилавка. Выбрав пирожное, обильно политое кремом и взбитыми сливками, я пустилась в обратный путь до стола. Но на финишном отрезке случилась неприятность. Одновременно распахнулась дверь, мешая мне пройти, а за спиной прогремел бум.

– Дети! – грозно крикнул Ричард. – Кто разрешил взрывающуюся хлопушку принести? Я облегченно выдохнула. Хотя бы не взорвалось само кафе, и все остались живы.

Однако радоваться было рано.

– Кхм, – выразительно кашлянул знакомый инспектор, в лицо которого прилетело пирожное с моей тарелки.

– Простите, – пролепетала я.

– Вы меня преследуете? – недовольно скривился инспектор, вытирая крем с подбородка.

– Тогда уж скорее вы, – обиделась я. Еще никогда меня в подобном не обвиняли. Не настолько я отчаялась, чтобы бегать за мужчинами. – Я здесь на свидании.

– Очередное? – инспектор оглядел кафе, но Альберта не увидел, зато обратил внимание на Ричарда, терпеливо меня ожидающего. – Какая вы ветреная особа, надо заметить. Я здесь, чтобы забрать племянника. Так что держите фантазии при себе.

– А вы свое самомнение держите в узде, – не осталась в долгу я.

– Сразу видно, чьи невоспитанные дети устроили погром в кафе, – высокомерно задрал нос инспектор. – Порки определенно не хватает, – вынес мужчина вердикт, не уточняя, к кому следует применить меру наказания.

– Как вы можете так говорить! – вспыхнула я из чувства противоречия, хотя, честно признаюсь, была с инспектором полностью солидарна. – Это же просто детки. Ну, пошалили немного. А вы – пороть. Вот вас в детстве часто пороли?

– А я повода для подобного наказания не давал, – если бы он задрал нос еще выше, точно пробил бы крышу.

– Сочувствую, – фыркнула я. – Какое же скучное у вас было детство.

Никогда еще так гордо не доводилось мне возвращаться за стол с пустой тарелкой. Я несла ее как награду всей жизни за вклад в изучении некромантии.

Ричарда Тортон до слез растрогало мое заступничество за маленьких монстров. А мне пришлось еще минут двадцать выдавливать улыбку, пока племянник инспектора пытался максимально проститься с друзьями.

За это время я успела шлепнуться на попу, потому что стул из-под меня выдернул один из тройняшек. Криво улыбнувшись, я заявила, что сама виновата, надо было внимательней смотреть, куда пристраиваю свой филей. Но глаз у меня дернулся. У Джейн вон трое детей, однако ни один так безобразно себя не ведет.

А после меня порадовали душем из кофе, когда близняшки играли в догонялки и врезались в наш столик. Чтобы не ругаться, я крепко сжала зубы и только попыталась оттереть коричневое пятно с пиджака.

Наконец-то к инспектору подошел грустный племянник, и парочка покинула кафе. Я аж облегченно выдохнула вместе со звонком колокольчика.

Только расслабилась я рано. Ричард, посчитав меня идеальной кандидатурой на роль жены, тут же предложил поближе познакомиться с его тремя предыдущими супругами. Точнее, двумя супругами и одной сожительницей, которая, не выдержав трудностей, сбежала из его дома через три дня после переезда. И, тем не менее, дочку она родила, и отдает ее папочке на выходные.

Перспективы казались еще более печальными, чем при увольнении из Исследовательского центра. Подозреваю, что я поставлю рекорд скорости по сбеганию в этой семье. И дня не продержусь.

Широко улыбнувшись, невинно поинтересовалась у Ричарда, как он относится к призрачной няне. Удачная идея у Джейн была, надо заметить. Не думаю, что в семье Тортонов няни задерживаются надолго.

Стоило Ричарду узнать, что есть большая вероятность того, будто новый ребенок будет с даром некроманта, как отец-молодец аж побледнел. В общем, со свидания я уходила облитая кофе, но довольная, словно выиграла грант на исследования.

Вечером, стоя перед зеркалом, я с удивлением обнаружила седой волос. Всегда знала, что эти свидания до добра не доведут. И главное, непонятно, куда бежать: в лечебницу, или в агентство по страхованию жизни, ведь впереди еще три.

На Эдвина Морроу я ставку и не делала. Библиофил, собиратель оккультных предметов – уже звучало как пояс безбрачия. На хорошем таком амбарном замке. Так еще он указал в анкете, что ему нужен именно некромант. По мне, у человека вполне определенный диагноз. И все же можно сходить послушать, как он будет вещать о редких фолиантах. Знания лишними никогда не бывают.

На эту встречу, которую свиданием назвать уж точно нельзя, я оделась максимально практично. Тем более что Эдвин изволил пригласить меня полюбоваться своей частной коллекцией.

И начиналось все весьма неплохо. Мы пили чай под мерное бухтение Эдвина о последней редкой находке – «Гримуаре пробуждения Зла». И будь у него ресурсы, мужчина точно бы смог воплотить парочку заклинаний из этой занятой книжонки. То ли предыдущие дни выдались слишком насыщенными, то ли обстановка библиотеки навевала старую привычку, то ли монотонный голос рассказчика оказался отменной колыбельной, но я отрубилась. Из марева сна я вынырнула рывком, быстро хлопая глазами и пытаюсь сфокусироваться на одной точке, чтобы картинка перестала плыть.

– Да что это такое? – возмутился Эдвин. – Неужели снотворное подсунули некачественное?

– Для некромантов целители всегда дозировку удваивают, – хриплым голосом сказала я, с трудом садясь. – Если я застужу почки после лежания на вашем каменном полу – сами будете мое лечение оплачивать.

– Не срывайте мне эксперимент! – взвизгнул мужчина, потрясая раскрытой книгой. – У меня почти получилось призвать черный огонь! Будьте уважительны к науке. Ваше имя прославится.

– Посмертно, – я потеряла лицо. – Как и ваше. Черный огонь уничтожает все и совершенно не подконтролен. Так, по крайней мере, следует из записей прошлых веков.

– Но я чувствую, как оно отозвалось, – Эдвин надулся, будто маленький мальчик, у которого отобрали конфету.

– Серьезно? – нахмурилась я. С одной стороны, срывать эксперимент как-то неправильно, с другой – вряд ли потомки поблагодарят за руины вместо города.

Дилемма была решена явлением отряда стражей во главе со знакомым инспектором. Мы уставились друг на друга, словно супруги, собравшиеся отдохнуть от семейной жизни где-нибудь подальше, и на следующее утро столкнулись нос к носу за завтраком в одном и том же гостевом дворе.

– Вы еще и в запрещенных ритуалах участвуете? – он наставил на меня подрагивающий палец.

На всякий случай проверила, что блузка застегнута на все пуговицы, а штаны по-прежнему на мне. А то, судя по реакции инспектора, я красовалась перед отрядом стражей в неглиже.

– Да, – скорбно призналась я, но быстро добавила: – Исключительно не по своей воле. Меня опоили и планировали принести в жертву.

– А не наоборот? – прищурился вредный инспектор.

В этот момент в библиотеке стало неудобно. Возможно, все дело в том, что здание будто бы гудело и шаталось. Следует поздравить Эдвина с почти удачей в эксперименте, и назначить главным идиотом.

Я раскинула руки, посылая по полу змеек ядовитого зеленого цвета, чтобы натянуть магическую сеть, гасящую любые эманации.

Вечер я провела в участке, давая показания, причем сам инспектор сбросил меня, как взрывное устройство, своему коллеге, намекнув на наше и без того излишнее общение последние дни.

На четвертое свидание я шла в приподнятом настроении, если так можно назвать нервные смешки, то и дело вырывающиеся у меня. Мало мне предвкушения очередного провала, так еще и на выставке современного искусства. Я-то и классическое плохо понимала, а уж любованием абстракциями не в числе желанных занятий.

По такому случаю пришлось скататься до Джейн и отжать у нее платье, подходящее по тематике и окружению. Оно все было сшито из разных непропорциональных кусков ткани. Выглядела я нелепо и аляповато, то есть полностью по статусу мероприятия.

Это я так думала. Виктор Грейстон, облаченный в рубашку цвета неба, красные штаны, белый шарф, небрежно накинутый на шею, и желтый берет, первым делом раскритиковал мой внешний вид. Черные туфли, видишь ли, нарушили образ, вызывая диссонанс его эстетического восприятия.

После снисходительного вопроса «Надеюсь, ты разбираешься в концептуальном искусстве?» мне очень захотелось призвать пяток душ, чтобы побеседовать с ним на простые и понятные темы.

Кто бы еще мне объяснил, почему перевернутый стул – это вызов патриархальным устоям? Я честно сказала, что вижу перед собой просто стул. Виктор неодобрительно покачал головой и с неудовольствием заметил, что у нас разный уровень восприятия прекрасного. Я смело посчитала это за комплимент.

Пока я пыталась разглядеть в инсталляции из сломанного велосипеда, мусорного ящика и черепа обещанные, судя по названию, грани будущего, мужчина поправил мою позу, заставляя

оставить одну ногу чуть в сторону, а ладонь положить на талию. Пребывая в легком ступоре от шока, выполнила пожелание Виктора. Кандидат в женихи, который вылетел из списка сразу при знакомстве, радостно объявил, что теперь я выгляжу как часть инсталляции.

Меня подвели к картине. Так белое полотно с черной точкой окрестили ценители. По мне, так это муха на подоконнике.

Я уже минут десять слушала о гениальности картины, где метафора экзистенциального одиночества выражена столь ярко, что полагается пустить слезу умиления. Самое сложное на этом свидании – не зевать. А очень хочется.

У соседнего полотна тоже кто-то воодушевленно вещал о свежей струе в искусстве в виде трех зеленых полос и звезд. И Виктор Грейстон это услышал. Когда мужчина покраснел под цвет своих штанов и возмущенно взмахнул руками, оповещая всех вокруг, что это не критик, а шарлатан, мне стало весело. Ровно до того момента, как очередной эксперт в современном искусстве повернулся. Я икнула под злым взглядом инспектора. Одет, к слову, служитель порядка не лучше моего кавалера.

Между двумя мужчинами завязался спор. Точнее, Виктор чуть ли не грудью попер на инспектора. Тому пришлось отбиваться, чтобы не опозориться. При этом он пытался всячески уговорить разошедшегося критика и посылал мне выразительные взгляды. Огреть кандидата в женихи магией? Это я могу. Потом его тельце оставлю рядом с мусорным ящиком как часть экспозиции.

Стычка привлекала все больше народа. В какой-то момент инспектор в сердцах сорвал с шеи платок и закричал:

– Закрыть двери!

В зале поднялся переполох. Часть людей замерла в нерешительности, другая попыталась выбраться из зала. Виктор собрался примкнуть ко вторым и бросился к запертым дверям, оставив меня.

Я только открыла рот, чтобы поинтересоваться занятным решением для оживления скучного вечера, как меня за шею сзади обхватила чья-то рука, а к коже прижали лезвие.

– Не шевелитесь! – взвизгнул тонкий мужской голос у меня над ухом. – Я убью ее! Это мой заложник!

– А ты уверен, что не наоборот? – усмехнулся инспектор. – Насколько я успел узнать эту дамочку, это скорее ты у нее в заложниках. Надо же было из всех в зале выбрать именно это ходячее несчастье. И ведь чуть не сорвала мне задержание торговца подделками.

– Простите, – я виновато шаркнула ножкой. – Место для встреч выбирало агентство. Все претензии к нему. Вам помочь с задержанием?

– Что ты такое пищишь там? – захват на моей шее стал сильнее.

– Было бы неплохо, – инспектор недовольно осмотрел нашу парочку. – За труп заложника с меня снимут часть зарплаты.

– Что ж, не дам вам умереть с голоду, – прохрипела я и хлопнула в ладоши. Все пространство заволочло зеленым дымом. Теперь в зале прибавилось замерших инсталляций. Правда, больше всех мне понравился застывший с перекошенным лицом инспектор.

И снова вечер закончился в участке. Я невинно поинтересовалась, а не выдают ли тут кофе постоянным клиентам. Инспектор пообещал, что, когда я окажусь за решеткой, он распорядится, чтобы мне кофе подавали каждый день. В ответ я заверила инспектора, что не настолько люблю данный напиток.

Честно, на пятое свидание с начинающим писателем я надежд изначально не питала. Не из-за предыдущих четырех, а потому, что это писатель. Да еще и начинающий.

Саймон Харпер пригласил меня полюбоваться на городской набережной закатом. После пруда я несколько нервно относилась к водоемам. Но, насколько помню, там регулярно патрулируют на лодках спасатели.

Писатель оказался единственным из кандидатов, который догадался прихватить с собой цветы. Пусть это и была веточка, сорванная с дерева.

Значит, стоим мы, любимся природой. Я с веткой, он – с вдохновением.

– Представь, – трагическим тоном начал Саймон, – мы, жалкие людишки, наблюдаем, как закат окрашивает небо в алые тона. Я беру тебя за руку и читаю свое новое стихотворение. Кстати, хочешь послушать?

А ответа от меня никто не ждал. Дальше из писателя полилось творчество. Хотя на ум приходило совсем другое слово. Рифмы я там не нашла, как ни старалась. Даже чайки возмущенно закричали на особо корявой строчке.

Я в надежде посмотрела по сторонам. Все что угодно, лишь бы закончить пытку стихами.

И тут я увидела их: бегущего мужчину с сумкой, в которых возят деньги в банк торговцы, чтобы положить их на счет, и за ним – радость моих последних дней, инспектора. Кстати, я так и не узнала его имя.

Народ шарахался в сторону. Надо же, какие все несознательные. А у меня была веточка. Я всего-то махнула ей перед лицом пробегающего мужчины и ловко поставила ему подножку.

– Заберите меня в участок! – прошипела я в лицо инспектору, держа воришку за шкирку.

Глава 2

В агентстве по поиску работы было грустно. Казенное учреждение видно сразу с порога: серые стены, обшарпанные лавочки в коридоре, раздражающе мерцающий свет. Все так и настраивало на веру в богатое будущее.

Передо мной в очереди сидела дородная женщина с плохо замазанным синяком, мужчина, благоухающий ароматом вина на весь коридор, и только что выпустившаяся студентка. Ну и я. Подозреваю, что из нас четверых приличное предложение работы получит лишь пьяница. Женщина, раз с синяком – значит, скандалистка, девчушка еще совсем молодая, а я – некромантка.

Я уже успела притомиться в этой небольшой очереди. И, кажется, чуточку захмелеть от амбре.

В кабинете, куда меня пригласили криком настолько громким, что лампы на потолке качнулись, веселее не стало. Всюду лежали стопки бумаг и папок. Почему-то очень захотелось чихнуть, чтобы устроить небольшой Армагеддон. Отдельно порадовал обшарпанный, чуть перекошенный стол, за которым сидела повелительница этого кабинета. Вместо одной надломленной ножки был кирпич. И только один гордый цветок в горшке старательно выживал в царстве пыли на шкафу.

Стул подо мной выразительно заскрипел. Я даже дыхание на всякий случай задержала, чтобы казенная мебель не развалилась.

– Селеста Кэрроу, – бросила на меня недовольный взгляд потрепанная жизнью женщина за столом. Возможно, зря я наговариваю, и у нее просто был тяжелый день. Или год. – Младший научный сотрудник. Тридцать лет. Не замужем, детей нет.

Как-то слишком знакомо прозвучало. Видимо, особой разницы нет, когда ищешь или работу, или мужа.

– Все так, – сдержанно кивнула в ответ. – Еще и некромантка.

– Вижу, – отрывисто бросила женщина. – Поломойкой вы определенно не согласитесь работать? В морге требуется технический персонал.

– Нет, спасибо, – я недовольно поджала губы. Может, я и дружу с духами, но мыть полы в холодном помещении соглашусь только на грани голодной смерти.

– Я так и думала, – женщина снова недовольно на меня посмотрела, будто оскорбилась моим отказом. – Я вам дам направления на собеседования. Если работодателям вы не подойдете, то они напишут отказ. Тогда, ввиду вашего научного звания, анкета отправится прямо в канцелярию министерства, и вакансии для вас будут искать там.

То есть просто нужно провалить эти собеседования, поскольку подозреваю, что ничего приличного мне здесь не предложат? Так это легче легкого.

Я перебирала бумажки в руках. От разнообразия идиотизма даже глаза разбегались.

Начну, пожалуй, с сочинителя гороскопа для журнала «Сам себе некромант».

Редакция встретила меня тишиной. Хорошо еще, не мертвой. Мне казалось, что тут должны бегать журналисты и трясти исчерканными листами редактора. Но нет, в большой комнате со столами было пусто. Только паренек дремал за стойкой в углу, надвинув на глаза козырек кепи.

– Простите, – я выразительно постучала костяшкой согнутого пальца по столешнице, – где у вас тут начальство?

Парень лениво приоткрыл один глаз и равнодушно бросил:

– Где-то прячется. Уже вторую неделю. Как у нас вышла статья о Эурике Бронсе, никто в редакции не появляется.

– О том самом Эурике Бронсе? – шепотом уточнила я, опасливо озираясь по сторонам.

Если есть самый гадкий некромант в мире, то Бронс его легко подвинет на пьедестале. У него и в молодости, говорят, был отвратительный характер: склочный, злопамятный и мстительный. А уж в старости к этому добавились мания преследования, маразм и ненависть ко всем. Его даже министерство исключительно в вежливой манере просили переехать из города куда-нибудь на природу, потому что целый квартал вокруг его дома был практически мертвым.

– И что вы там такого понаписали? – я на всякий случай крепче сжала ремешок дамской сумочки, перекинутой через плечо. Если что, ею оглушу парнишку и сбегу, словно никогда тут и не была. Работать в редакции, поссорившейся с Бронсом, – отдельный вид самоубийства. Причем весьма извращенный.

– Опять подняли тему авторства работы о статичности магии в некрополях, – парень широко зевнул и потянулся. – Точнее, попытались доказать извечный спор, кто писал работу – Бронс или его помощник. И совершенно зря его несколько раз называли «мерзким старикашкой». А в оправдание редактора могу сказать: никто и не подумал, что из некромантов кто-то читает журнал.

Я сдавленно кашлянула. Мне ни разу не доводилось и в руках подержать хотя бы один экземпляр. Да и желания такого не возникало.

– Вот теперь он и присылает к нам привидений, – продолжил парень. – И все прячутся по домам.

– Некроманты боятся призванных? – удивилась я.

– А кто сказал, что они работают в этой редакции? – парень насмешливо заломил одну бровь. – Тут единственный некромант – это я. Сторож. И то уволить хотели, когда я им замечание по статье сделал.

Получается, не пройти собеседование очень просто: всего-то надо выдать ему какую-нибудь умную мысль о некромантии – и сразу получу отказ.

В этот момент дверь в редакцию распахнулась. Мы с парнишкой вздрогнули, почувствовав неприятности буквально каждой клеточкой тела. Конечно, замотанные в плащ люди – не прямо удивительное явление. Только если они живые. Мы оценили, как потрепанный подол развевается на несуществующем ветру, как костлявая рука с останками плоти его одергивает, как из глухо надвинутого капюшона на нас смотрят горящие зеленым огнем глаза – и одновременно выдохнули:

– Лич!

Если духи, ну и то, как их привыкли называть обычные люди, привидения, в большинстве своем безобидны, то с поднятыми мертвецами дело обстоит куда хуже. Они могут не только пугать, но и нанести реальный вред человеку, напав. И совсем отдельно в иерархии поднятых стоят личи. Это могущественные маги с маленькой поправкой: они мертвы и давно похоронены, зачастую живьем. При пробуждении сохраняют волю, разум и способность к магии. Инструкция при встрече с подобным созданием только одна – прячьтесь. Что мы с парнем и продемонстрировали, бросившись врассыпную, петляя между столов.

В такие моменты меня всегда кололо легкое сожаление, что боевой магии я предпочла науку. Одновременно бежать и плевать на заклинаниями не натренирована.

И, естественно, лучшего момента для явления знакомого инспектора не нашлось.

– На вас поступила жалоба! – объявил он пустому залу и озадаченно замолчал.

Лич заинтересованно повернулся, приняв заявление инспектора на свой счет. Был один мизерный шанс для мужчины спастись: закосить под дурочка. А вдруг лич сердобольный? Только вот инспектор, судя по нашим предыдущим встречам, предпочитал не отступать перед трудностями: на его ладони разгорался белый огонь. Люблю я боевых магов за веру в то, что «еще одно заклинание» решит все проблемы. Даже если предыдущие девять вызвали огненный дождь, зомби-апокалипсис и разнесли пару кварталов под ноль.

Только лич спокойно ждать, пока его будут призывать к порядку, не станет. И, скажем честно, в прямом противостоянии у инспектора шансов чуть больше, чем никаких.

Однако мужчина уже встал на путь героического самоубийства, и сворачивать с него не собирался.

Я, как ответственный гражданин, не могла позволить столь глупо лишиться представителя власти. Им и так несладко приходится. Преступники их не уважают, с ножами на них бросаются.

У меня под рукой были только смекалка и дамская сумочка. Раскрутив ее на манер пращи, я послала снаряд прямо в инспектора. Правда, немного не рассчитала: вместо деликатного удара в бок моя сумочка, запущенная слабой женской рукой, впечаталась мужчине в висок. Тот странно всхлипнул и осел на пол. Лич озадачился. Посмотрел на меня, затем на инспектора без сознания. Я, не придумав ничего лучше, пожала плечами и запустила в ожившего мертвеца стрелы. Мой арсенал состоял из скудного набора боевых приемов, зато все они были максимально эффективными.

Пришпиленный к стене лич обиделся и рванул всем телом вперед, пытаясь избавиться от одежды, которую и держали мерцающие зеленые стрелы. Насладиться стриптизом хоть и медленно, но разлагающегося тела, не дал паренек-сторож. Он направил струю зеленого огня прямо на лича. Однако мертвец все же смог освободить одну руку и выставить щит.

Вовремя я успела отбежать в другую часть комнаты. На том месте, где я стояла до этого, зияла огромная воронка. Даже обидно как-то. Лич и в смерти сильнее нас обоих.

Пока я судорожно пыталась хоть что-то придумать, посылая в противника разрозненные огни, инспектор пришел в себя.

– Нет! – лишь успела выкрикнуть я, когда белое пламя поглотило зеленый щит.

В следующую секунду здание сотряс взрыв, выбивая все окна.

Мы с парнем с грустными лицами сидели напротив инспектора. В участке меня встретили, как родную. Приглашенный целитель нас осмотрел, признал почти здоровыми и не совсем адекватными. Так, слегка контуженными.

Потом прибежал владелец журнала «Сам себе некромант», словив по дороге три инфаркта и два инсульта. Причем все припадки случились разом, когда он увидел руины вместо редакции. Ремонта там теперь...

Отказ от меня он подписал сразу и не глядя. Даже не понял, за что в итоге я благодарила его.

– Простите, – я попыталась мило улыбнуться тому, кто старательно записывал наши показания, – а как зовут инспектора, который прибыл первым?

– Кхм, – замялся мужчина, оттягивая пальцем ворот рубашки, словно ему не хватало воздуха, – понимаете... Он приказал вам не говорить. Бойтся, что вы ночью придете к нему. С сумочкой.

На следующий день я, полюбовавшись в зеркало исцарапанным лицом, отправилась на собеседование в туристическое бюро «Тени прошлого», когда солнце уже клонилось к закату. Вряд ли в бюро захотят нанять человека, который выглядит так, словно пьяный дрался с кустами, а они в итоге еще и победили. Хотя меня и смутило время для встречи, заострять внимание я не стала.

И в этом я просчиталась. Моему внешнему виду обрадовались.

– На гриме сэкономим! – с довольным лицом потер ладони Дрейк Фоллер, представившийся как владелец бюро. – Ничего сложного в работе нет. Вы будете гидом ночных экскурсий по древним катакомбам.

– Кем? – нахмурилась я. Затем быстро исправилась: – Где? – А подумав еще, добавила: – Когда?

– Ночные экскурсии по древним катакомбам, – мне предъявили яркую брошюру. – Для любителей пощекотать себе нервы.

– А если я не любитель? – одним пальцем отодвинула в сторону листок. – Вот вообще ни разу. Трусиха жуткая.

– Да нечего там бояться, – беспечно отмахнулся Фоллер. – Все постановка. Вместо зомби – муляжи. Звуки записаны заранее. На самом деле абсолютно безопасное место. Неужели вы думаете, нам бы дали разрешение водить людей туда, где опасно? И наряд для вас у нас подходящий имеется, – он указал куда-то мне за спину.

И лучше бы я не поворачивалась. Свадебный наряд – мечта многих женщин, но не такой драный, и в потеках крови. Я очень надеюсь, что это краска.

– Такая удача! – радовался Фоллер, подпихивая мне маршрут для ознакомления. – Как раз сегодня не вышел гид, который должен был вести группу. Ноги ему, видишь ли, вздумалось ломать. А экскурсия же оплаченная. Я уже сам хотел платье надевать.

Заботливый начальник: о сотруднике переживает, за дело радеет. Чтобы мне такое выкинуть для провала собеседования?

И все же, стоя перед группой из десяти человек, я от раздражения постукивала носком туфли. Мне еще и макияж нанесли, подчеркнув следы вчерашнего побоища с личем. В общем, клиенты были в восторге, а я была зла.

Мне даже текст выдали, но придерживаться я его не собиралась. Особенно пометок про завывания.

– Ну, пошли, что ли? – я суровым взглядом обвела возбужденно переговаривающихся людей. – Кто отстанет – там и останется.

– Ух, какой строгий дух невесты, – наивно обрадовался один из парней.

Место, где обманывали людей, никогда и не было некрополем. Их в черте города вообще не осталось. Туристическое бюро водило людей в заброшенную канализацию. Хорошо еще здесь не резало глаза от вони, а просто хотелось побыстрее выйти на свежий воздух.

Когда на группу с потолка упал первый муляж зомби, я только вздохнула и процедила сквозь зубы:

– Какая бездарная работа. Даже приблизительно не похож.

– А вы видели настоящего зомби? – заинтересовался кто-то из людей, любящих странные развлечения.

– Конечно, – равнодушно пожала плечами. – Я же некромантка.

Ну и выдала им всю классификацию нежити. Кто оказался повпечатлительнее, слабым голосом попросился на улицу. А я не виновата, что из освещения у нас была только небольшая керосиновая лампа со специальным стеклом, чтобы свет выглядел синеватым и мерцающим. Моя лекция прошла в подходящей атмосфере. Зато дальше все внезапно появляющиеся муляжи в большинстве своем у парней вызывали только интерес, а вот девушки визжали в два раза громче, чем в первый раз.

То ли мне так не повезло, и отчаянные, бесстрашные и безголовые собрались вместе, то ли все-таки меня кто-то проклял, но один из парней с радостным криком: «Здесь есть какой-то лаз!» застрял в нем.

Я исправно подергала за торчащие ноги. Потом попыталась подпихнуть под попу в попытке протолкнуть подальше – а вдруг он с той стороны выскочит? Слышала, что гид может потерять человека на экскурсии, но чтобы он застрял в странной дырке – вряд ли до меня кто-нибудь устаивался такого приза.

И в самой безнадежной ситуации найдется человек, который сделает ее более безнадежной.

В задумчивой тишине, пока мы столпились и изучали торчащую из стены часть парня, прозвучало страшное и неизбежное: «Я знаю, что делать!»

Друг застрявшего был, на нашу беду, магом. Да еще и мозгами обделенный. Иначе он бы, прежде чем долбить по стене, подумал о том, что мы находимся под землей. Правильно, умереть столь нелепым образом – только и не хватало для финальной точки в череде неудач.

Неожиданно нам всем повезло. Стена оказалась муляжной. Доски охотно разлетелись во все стороны.

– Эм, здравствуйте, – я попыталась мило улыбнуться бандитам. А кем еще могли быть люди разной степени небритости, вооруженные ножами, топорами, копьями и пистолетами? А если рядом с ними ящики, доверху набитые золотыми слитками? – Желаете экскурсию по древним катакомбам? У нас весело. Или страшно, если вы зомби не любите.

– Ребя, – осторожно спросил один из преступничков у своих подельников, – а чего она в свадебном платье?

– То есть кровь на нем вас не смущает? – уточнила я. – Видимо, у мужчин в генах заложен страх перед этим женским нарядом.

– А ну заткнись! – сдали нервы у мужика с двумя пистолетами.

Получается, они сами виноваты. Мы на них не нападали, а эти нехорошие люди стрелять в нас собрались. Что-то последние дни я часто к магии обращаюсь. А как хорошо было в Исследовательском центре...

Отсохшие руки бандита с пистолетами огорчили его подельников. Польщенной таким мужским вниманием я себя не почувствовала, и попятилась. Но с нами же был еще маг-идейник.

– А может, не надо? – успела только поинтересоваться я, прежде чем в толпу бандитов влетел огромный горящий шар. В закрытом помещении.

За всеми разборками я и не заметила, что за спинами бандитов открылась дверь, и к нам присоединился отряд стражей. Только когда шар взорвался, не долетев до цели, и распался на переливающиеся искры, я встретила взглядом с инспектором, который держал одну руку высоко поднятой. Видимо, гасил чужую магию.

– Опять? – удивилась я.

– Снова, – скривился инспектор. – Нет, я не хотел. Честное слово. Сюда должен был поехать Саймон. Хотя чего я оправдываюсь? Вы все задержаны. А кто станет сопротивляться, я буду применять силу с особой жестокостью, – при этом инспектор очень выразительно смотрел именно на меня.

В итоге туристическое агентство от моей кандидатуры отказалось. Мало того, что катакомбы их порушила, так еще и группу бесплатно прокатила до участка. Одни убытки от меня. Хорошо хоть одежду мою привезли, а то доблестные стражи и инспекторы от кровавой невесты шарахались.

Уже уходя из участка, я столкнулась с бедолагой, который при моем виде устало вздохнул.

– Я так хочу уйти в отпуск, – доверительно сообщил мне инспектор, – но начальство не пускает. Давайте мы с вами больше не встретимся. Пожалуйста.

– Ничего не могу гарантировать, – я гордо задрала подбородок. – У меня еще три собеседования.

– Может, на больничный пойти? – спросил у стены инспектор.

– А кто преступников будет ловить? – я уперла кулаки в бока. – Вон их сколько развилось.

– Ваша правда, – еще больше загрустил инспектор. – Удачно вам добраться до дома, Селеста Кэрроу.

Свое же имя вредный инспектор назвать отказался.

Утром следующего дня я с трудом встала с кровати. Точнее, сползла. Болело все тело. Вот что бывает, когда регулярно не пользуешься магией. А еще и знобило. Хотелось накрыться одеялом и притвориться, что дома никого нет.

Чашка кофе творит чудеса. Десятая по счету. Она булькала во мне где-то на уровне ушей. Кажется, при неловком движении я просто расплескаю все, что влила в себя.

Передо мной веером, словно игральные карты, лежали три направления на собеседование. Я прикинула, где меньше всего шанса встретиться с инспектором, и вытащила листок по центру. Не то чтобы мне не хотелось с ним пересекаться, но если дальше так пойдет, он от меня шарахаться, как от заразной, станет.

Салон «Голос вечности» располагался не в самом престижном районе. Возможно, на это был какой-то свой расчет, однако здание, приткнувшееся между рыбной лавкой и пекарней, на представительский класс никак не тянуло. Да и «спиритический салон» звучит, как собрание мошенников.

Антураж внутри подходящий с точки зрения обывателя: темные тяжелые гобелены, плотно закрытые шторы, стены фиолетового цвета, холодное освещение, ладаном накурено. Да и работники одеты так, словно ограбили местное шапито.

Девушка на стойке регистрации, миловидная и ярко накрашенная, долго не могла понять, на какое собеседование я пришла. Хорошо, что рядом уборщица нормального вида протирала полы. Она-то и посоветовала позвать управляющего.

Мужичок в щегольской одежде окинул меня придирчивым взглядом и недовольно цокнул языком:

– И за что мы налоги платим? Присылают, не пойми кого. Я же четко прописывал в заявке стандарты внешности. Ладно, времени все равно ждать следующую, нет. Будете оператором спиритической доски.

Степень моего удивления было не передать словами, только в ругательной форме, поэтому я лишь прохрипела:

– Чего?

– Вы будете проводить сеансы общения с духами через доску Уиджа, – раздраженно процедил управляющий. – Клиенты задают вопросы, вы интерпретируете ответы – очень медитативная работа!

Я иронично приподняла одну бровь:

– То есть двигать планшечку по буквам и придумывать «послания от бабушки»?

– Это тонкий контакт с потусторонним! – до глубины продажной души возмутился управляющий.

– Это тонкий обман клиентов, – ехидно заметила я. – Как некромант вам говорю.

– Настоящий некромант? – управляющий настороженно замер. – А ну, брысь отсюда! Мне конкуренты, способные действительно призвать духа, здесь не нужны!

– О, это же просто замечательно, – обрадовалась я. – Не подпишете отказ?

Но если что-то идет слишком гладко, значит, оно идет куда-то не туда. Раньше, чем мужчина успел поставить свой автограф, дверь салона распахнулась.

– Срочно спросите у этой паршивки, где моя брошь! – закричала дама в элегантном меховом манто.

На улице вроде солнышко теплое светит, цветочки распускаются, травка зеленеет. Или я успела все пропустить и наступила зима?

И, тем не менее, не это было самым странным: дамочка держала в вытянутой руке дохлую крысу.

– Если к ужину я буду без броши – мой муж меня убьет. А потом я засужу вас!

– Крыса – зверек безграмотный, – попытался вывернуться из положения, когда жопа уже сидит в костре, управляющий. – Доска Уиджа не поможет. Там же буквы.

– Меня это не волнует! – дамочка перешла на октаву выше. – Вы здесь все должны быть некромантами! Оживите ее! Пускай покажет, куда утащила брошь! Плачу десятерной тариф!

И тут управляющий вспомнил обо мне.

– Есть у нас один специалист, – в мою сторону достался небрежный кивок головой. – Однако выезд на дом – это исключение из правил. Только из уважения к вам, – он быстро нацарапал цифры на бумажке. – Устраивает?

– Плевать! – дама экспрессивно потрясла крысой. Еще немного – и грызун оживет от такого массажа. – Только сию секунду!

– Да-да, – с радостной улыбкой подпихнул меня в спину управляющий.

– Одну минуточку, – оскалилась я. – Сейчас мне один отказ подпишут, и мы с вами поедем. Бюрократия. Без этого работа вне салона невозможна.

– Шантажистка, – прошипел мужчина сквозь зубы, но все же расписался. Даже страшно представить, сколько он затребовал с дамочки за мою работу, раз так быстро сдался.

История Мадлен Миствейл оказалась весьма банальной, без интриг, заговоров и крутых поворотов. Всего-то она завела себе любовника, у которого и потеряла брошь. Драгоценную безвкусицу ей подарила свекровь. А сегодня как раз планировался ужин в доме родителей супруга, и явиться туда без украшения – весьма рискованная затея. Крыса – это ручной зверек любовника. Померла спокойно ввиду преклонного возраста, предварительно куда-то утащив упавшую в порыве страсти брошь.

Призвать дух животного невозможно, но можно сделать из крысы зомби. Животные живут инстинктами. Она непроизвольно побежит туда, где у нее нычка.

Мой расчет оказался верным. Грызун привел нас к дереву в саду дома любовника. Под выпирающими корнями мы и нашли небольшую железную бирку.

– Что это? – дама озадаченно повертела находку в руках. – Это не моя брошь.

– Конечно, – я пошевелила пальцами, отпуская крысу в лучший мир, – это то место, где лежит ваша брошь. Никогда в ломбардах не были? Их дают на тот случай, если ты захочешь выкупить обратно то, что сдал.

Мадлен Миствейл выдала длинную тираду с очень интересными с точки зрения анатомии оборотами и бросилась на любовника с кулаками. Я бесстрашно засунула руку еще глубже под корни и вытащила на свет целую ладонь таких же жетонов.

– А у вас только брошь пропала? – поинтересовалась я у дамочки, которая, уже держа двумя руками любовника за волосы, таскала мужчину по земле. А с виду такая хрупкая.

Прибывшие стражи, вызванные бдительными соседями, забрали в участок нас троих. Я даже удивилась, что сегодня инспектору повезло, ведь его участок был в другом конце города.

Однако первый, с кем я столкнулась, переступив порог казенного учреждения, стал именно мой знакомый незнакомец.

– Опять? – он забавно выпучил глаза и хватал ртом воздух.

– Увы, – я развела руками. – В свое оправдание могу сказать: от меня ничего здесь не зависело.

– За что ее забрали? – устало поинтересовался инспектор у стражи и, выслушав отчет, приказал: – Отпустить. Зная Селесту Кэрроу, она действительно просто стояла рядом и в драке не участвовала. Пострадавший же жив? Руки и ноги при нем? Глазом не дергает? Сединой преждевременной не обзавелся? Значит, она точно не при чем. Пошлите, Селеста, я распоряжусь вас домой отвезти. От греха подальше. А ведь я просто приехал, чтобы забрать у коллеги документы по делу.

Может, сказать ему последние два места собеседования, чтобы он обходил их стороной? Хотя зачем делать чужую жизнь проще? Страдать одной не так скучно.

Как много у нас бесполезных специальностей. А я и не догадывалась об этом, пока не начала ходить по собеседованиям. И никогда не думала, что есть такая профессия, как консультант по выбору фамильного склепа.

Похоронное бюро «Вечная память» выглядело подозрительно нормально. По крайней мере, для своего профиля. Венки, гробы, букеты. Сам зал для приема клиентов выполнен

в траурных тонах. Никаких говорящих черепов или танцующих скелетов. На фоне играла расслабляющая умиротворяющая музыка. Сотрудники были одеты в строгую униформу, без каких-либо кричащих деталей. Вели они себя сдержанно, не бросались на потенциальную клиентку с широко раскрытыми объятиями. И это проблема. Мне же надо, чтобы от столь ценного сотрудника в моем лице категорически отказались.

– Итак, – Дунстан Дримвейк строго взглянул на меня поверх пенсне, – ваша задача – чтобы клиенты потратили как можно больше денег, и остались при этом довольны. Говорите им, что мрамор идеально подходит для эманаций душ.

– Что за ерунда? – нахмурилась я. – И это я не про материал. Хотя хотелось бы почитать научные труды о такой гипотезе. Я про эманацию душ. Что за странный термин?

Дримвейк неодобрительно поджал губы. Так-то он больше походил на клиента похоронного бюро, чем на владельца. Точнее, на клиента, который уже умер.

– Я не прошу вас вести здесь просветительские лекции. Вы должны приносить мне денег. Много денег. И если клиенты говорят, что им во сне явилась прабабка с требованием постелить ковер в склепе – вы это выполняете. Понятно?

– Все равно какой-то абсурд, – буркнула себе под нос. – Даже неупокоенные души мало материальны. Я к тому, что им совершенно не интересно, есть в склепе гобелены или нет.

– Зато это интересно их родне, – припечатал Дримвейк. – Вот вам каталог. Изучайте. Люди умирают каждый день. Поэтому у нас есть норма выручки, исходя из процента, которой вы и будете получать зарплату. Так что идите, работайте.

На фоне остальных консультантов в черной униформе мой бирюзовый костюм выглядел несколько дико, словно павлин забрел в стаю ворон. Каталог я листала без особого энтузиазма, сидя в углу между двумя гробами. Кстати, девочкам, обслуживающим клиентов в более простом сегменте, было куда интереснее работать: людей действительно много заходило в похоронное бюро. Склепы спросом не пользовались. Подозреваю, моя предшественница поэтому и сбежала, ведь нет покупателей – нет зарплаты.

Я уже примерялась задремать, прикрывшись крышкой гроба, а под голову положив венок, как в бюро случилось явление. Именно так охарактеризовала визит маленькой сухонькой старушки одна из консультанток фразой: «Опять эта явилась!»

Наша беседа не задалась сразу, потому что меня окрестили «доченькой» и заявили, будто я подурнела.

– Имоджен, деточка, – ворковала бабушка, пытаясь отобрать у меня крышку, которой я планировала отбиваться в крайнем случае, – ты не обнимешь маму?

– Простите, – я только сильнее вжималась спиной в стену, – но я...

– Не спорь с ней, – зашипел мне на ухо Дримвейк, пока остальные консультантки окружили клиентку и наперебой предлагали ей чай, воду и успокоительное. И как только он смог протиснуться в мое укрытие между гробами? – Она наша золотая клиентка. В очередной раз склеп себе выберет, оплатит и забудет.

– Но это обман, – я возмущенно топнула ногой. – Наживаться на человеческом горе...

– Ничего подобного, – мужчина умудрялся шипеть очень грозно. – Потом приходит ее родня, и я им всю сумму возвращаю. Они мне за этот спектакль процент платят. Ну и все похороны только у нас заказывают. Недавно вон канарейку хоронили со всеми почестями. Недельную выручку сразу сделали.

– Я не хочу быть какой-то Имоджен, – недовольно проворчала я.

– Ты бы не провоцировала милую Сюзан Холлоуэй, – улыбка Дримвейка стала походить на оскал. – Спорить с ней нельзя, она звереет моментально. Один раз вынула челюсть и покусала консультанта. Иди и улыбайся ей, Имоджен.

А я еще думала, что это адекватное бюро...

Следующие двадцать минут меня вроде как и любили, а вроде как и нет. Мне даже стало жалко незнакомую Имоджен. То, что я подурнела, было еще комплиментом. Я так понимаю, дочка ее сбежала с каким-то заезжим гастролером, а через год вернулась с ребенком на руках и в слезах. Потом спуталась с аферистом и осталась без жилья, но с очередным приплодом. Затем побывала любовницей у женатого, и тоже родила. Чудила незнакомая женщина, а стыдно стало мне.

Еще Сьюзан Холлоуэй прошлась по всем девушкам в зале. Они были и вертихвостками, и торговками телом, и ведьмами. Причем все это говорилось с добродушной улыбкой.

Когда в похоронное бюро «Вечная память» зашел инспектор, я даже не удивилась. И он мне тоже – только бровь вопросительно изогнул. Зато консультантки радостно принялись шептаться: «Спасены!»

– А вот и наш папочка, – расплылась в довольной улыбке старушка. – Гилберт, дорогой, наша непутевая дочь опять беременна.

– От кого? – иронично спросил инспектор.

– От бездомного! – старушка обличительно ткнула в меня пальцем. – Да-да, мало нам позора в семье, теперь еще и отребье с улицы подбирать будем.

У меня и так неделя выдалась не лучшей. Бывший начальник вон вообще бумагой пообещал. А тут еще и оскорбляют.

Я набрала в грудь побольше воздуха, чтобы высказаться о наболевшем, и выдохнула резко все обратно. Хитрый инспектор ухватил старушку под локоть и повел на выход:

– Дорогая, дети – это счастье. Даже такие непутевые.

В два шага нагнав парочку, я тронула инспектора за плечо:

– Пускай родные отвезут ее в Исследовательский центр прикладной магии. Там буквально месяц назад запатентовали лечение старческого слабоумия. Очень действенное. Из пятидесяти испытуемых рассудок вернулся ко всем.

– Спасибо, доченька, – инспектор подмигнул мне.

Потерю золотой клиентки мне не простили, хотя лечение еще даже не началось. Однако я не расстроилась, а, наоборот, с радостной улыбкой бережно сложила отказ и убрала в сумочку.

– А инспектора правда зовут Гилберт? – поинтересовалась напоследок.

– Так же, как и тебя Имоджен, – высокомерно бросил Дримвейк и повернулся ко мне спиной.

Что же. Осталось последнее собеседование, которое я была просто обязана провалить. И причина вовсе не в надежде, что министерство найдет мне место, а в том, что я ненавижу работать с древними проклятиями. Пока один свиток изучишь – свихнешься. В них всегда запрятаны неприятные ловушки, которые ты активируешь просто в процессе чтения.

Закрытая библиотека располагалась в Ратуше. Чтобы попасть в нее, нужно пройти три контрольных пункта. И на каждом посту мою личность разве что до трусов не проверяли. А я сегодня, между прочим, надела обычные, а не кружевные. Так еще и некомплект с верхом.

Главный архивариус – пыльный старикан – неодобрительно покачал головой, изучая мой послушной список.

– Нам тут ученый не нужен. Вы же спокойно разбирать древние свитки с проклятиями не умеете. Сразу начнете эксперименты ставить. Зачем нам пепелище вместо города?

– Полностью согласна с вами, – мило улыбнулась я. – Работать в подвале без окон и какого-либо сквозняка очень вредно... не для кожи, а для психики. Подпишите отказ?

– Архивариус нам все же нужен, – окончательно загрустил старик. – Ну, давай посмотрим, на что ты способна, – он указал на стол, заваленный свитками. – Здесь не должно быть ничего смертельного. Расшифруй хотя бы один.

«Не должно». Как это обнадеживает. Мне просто надо неправильно перевести парочку слов, чтобы главный архивариус признал меня неподходящей. Ничего проще нет.

И я с ходу нарвалась на ловушку. На втором абзаце случайно активировала проклятие «неудержимой икательной судороги».

– Что? Уже? – старик удивленно выпучил глаза, когда в тишине с интервалом в три секунды раздавался мой «ик». – Милочка, ты про себя слова проговаривала, что ли?

– Ик, – виновато втянула голову в плечи я. Действительно, совсем забыла об этом нюансе. Даже беззвучно шептать их нельзя.

В библиотеку зашел страж с последнего пропускного пункта и что-то тихо сказал главному архивариусу. Старик скривился и махнул рукой.

– Принесла же нелегкая, – проворчал он, косясь на меня. – Спрячься куда-нибудь пока. Позора перед инспекторами не оберемся же. Консультация им, видишь ли, понадобилась.

Он не успел закончить свою тираду, а я уже залезла под стол в дальнем углу. Даже шутить на тему наших встреч не хочется. Особенно сейчас, когда я в очередной раз выгляжу не слишком умной.

Только в маскировке я не учла: в тишине зала мое икание отлично слышно.

– Что тут у вас происходит? – раздался знакомый голос. Конечно, рассчитывать, что там будет другой инспектор, было глупо. – Откуда этот звук?

Следом раздался грохот и испуганный голос старика:

– Осторожнее, молодой человек!

Мне стало интересно. А любопытство никому еще добра не принесло.

Стоило высунуться из укрытия, как все пространство накрыло пылевое облако.

– Апчхи! – звонко высказалась я о качестве уборки в закрытой библиотеке.

– Ик, – испуганно отозвался инспектор, сидя посреди разбросанных книг. Помнится, до этого из стопок литературы тут стояли целые коридоры.

Проклятие «неудержимой икательной судороги» оказалось заразным. В итоге ехали мы до участка весело, икали всей повозкой. Я сначала уточнила, не хотят ли мне предъявить нанесение вреда через проклятие. А это, между прочим, очень трудно сделать, когда ты без остановки икаешь. Инспектор только закатил глаза и умудрился ответить, что в участке есть специалист, способный снять вредное, мелкое и древнее проклятие.

Какими же круглыми глазами на меня смотрел дежурный, лицезревший мое появление с завидной регулярностью. Возможно, все дело в том, что инспектор заботливо придерживал меня, потому от хихиканья и икоты я норовила сползти на пол.

Зато мне на глаза попало то, что до этого я не замечала в участке – стенд с портретами инспекторов.

И первое, что я сказала, когда смогла внятно произнести слова, стало:

– Приятно познакомиться, Артур Лейн.

Глава 3

Даже когда в детстве мама целый год обещала мне подарить куклу на день рождения, а в результате вручила кофточку, я и то меньше расстраивалась, кажется.

– Как это вы не можете отправить мою анкету в министерство? – я от возмущения дышать нормально не могла. – Вы же сказали...

– Все так, – женщина раздраженно отодвинула подписанные отказы. – А вчера нашего начальника на ковер вызывали. Ругали. Говорили, что мы не справляемся. Ну и теперь директива: ближайшие два месяца работаем так, чтобы министерство о нас не вспоминало. А уже потом я вашу анкету первой пошлю.

Вот спасибо ей. Два месяца плюс еще время ожидания, пока найдется что-то подходящее. У меня, конечно, есть запас денег, но монетки – такие вредные штучки, что имеют привычку заканчиваться очень внезапно. А я от пяти вариантов временного трудоустройства отказалась, между прочим. Два месяца, к примеру, прекрасно могла бы пересидеть за доской, изображая разговор с духами.

Я так выразительно сопела и косилась на кирпич, на котором держался весь стол сотрудницы агентства по поиску работы, что женщина побледнела и залепетала:

– Я вам могу пока предложить отличное место. Буквально час назад поступила заявка. Я сразу о вас подумала. Работка – настоящий курорт: сидишь себе, чай пьешь и ничего не делаешь. Отличный способ отдохнуть. Я же читала ваше дело, отпуск – зверь для вас неведомый. А главное достоинство работы – начальства, по сути, нет. Что хотите, то и делайте: хоть опыт ставьте, хоть спите, хоть книжки читайте. А при этом зарплата в разы больше той, что предлагали на этих вакансиях, – она небрежно кивнула на отказы.

– Вы так заманчиво расписываете, – прищурилась я, – что это выглядит очень подозрительным.

Последний раз мне так старательно впихивали чудо-настойку для красоты, оказавшуюся простой водой с лимоном, подкрашенной розовым цветом.

– Что вы, – неумело попыталась сыграть удивление женщина. – Все предельно честно и открыто. Мы же не шарлатаны какие-нибудь. Я бы и сама с удовольствием сменила место работы. Жалко, что дара некромантии у меня нет.

Фантазия тут же подкинула мне варианты трудоустройства с учетом предыдущих предложений. И приличных среди них не было ни одного. Чаще всего фигурировал морг, ведь объективно любое начальство старается держаться подальше от этого места.

– Хорошо, – выдохнула я и зажмурилась. – Говорите. Я готова.

– На кладбище нужен смотритель, – невинным тоном пропела женщина.

Она просто еще не в курсе, что я уже составила именной список проклятий, чтобы потом целителю было проще выяснять, что лечить, а что отрезать сразу. Я же понимаю, что в лечебнице и так работы много. Не буду создавать им лишние трудности.

– Какая замечательная новость, – без всякого энтузиазма протянула я.

– И не говорите, – женщина так широко заулыбалась, что слой пудры на ее лице пошел трещинами. – Вам так повезло, что предыдущий смотритель скончался.

– Да, – моя ответная улыбка вышла слишком кривой и больше походила на оскал. – Я такая везучая.

Никогда не подозревала, что в тридцать лет перееду жить на кладбище. Так себе виток карьеры. Зато можно заранее присмотреть себе местечко посимпатичнее. Да и, говорят, что ночь там весьма романтична. Правда, говорят те, кто никогда не гулял там в темное время.

– График простой: сутки через двое, – женщина или притворялась, будто не замечает мое перекошенное вовсе не радостью лицо, или привыкла к тому, что у многих посетителей агентства регулярно случается защемление нерва. – Да там особо ничего делать не надо. Но это вам уже на собеседовании подробнее расскажут. И лучше поторопитесь, такое шикарное место долго пустовать не будет.

Я стояла перед воротами кладбища «Тихий рассвет», сжимая в руках направление от агентства, и пыталась убедить себя, что это не худший вариант. По крайней мере, теперь меня уж точно не будут каждый день забирать в участок. А жаль.

Калитка приглашающе скрипнула. За ней начиналась аллея с вековыми деревьями, а вдалеке виднелась небольшая сторожка. На табличке у входа значилось: «Кладбище „Тихий рассвет“. Место, где время останавливается». Кто-то заботливо дописал снизу мелом: «Зато тишина гарантирована. Если не считать призраков. И за аренду вовремя платить не забывайте, а то выселят».

Меня встретил представитель муниципалитета. Высокий, сутулый, с лицом, будто высеченным из камня, он походил на оживший памятник самому себе. В руках он держал папку и трость с набалдашником в виде черепа – видимо, для солидности. Я же хоть и оделась согласно месту, но на его фоне выглядела, как путана в церкви.

– Селеста Кэрроу? – голос мужчины звучал так, будто он уже составил мой некролог и теперь решал, стоит ли тратить на меня время.

– Да, – я постаралась улыбнуться как можно увереннее. Однако, кажется, моя потуга на улыбку не нашла одобрения. Место неподходящее. – Претендую на должность смотрителя.

– Превосходно, – процедил мужчина. – Пройдемте, осмотрим территорию. Я бы предпочел практика-некроманта, а не теоретика, да еще и симпатичную девушку. Вы же, надеюсь, не беременны? Рожать на кладбище крайне не рекомендую. Условий тут нет.

– Духи стерильны, – поднялся во мне протест против псевдонаучных утверждений. Но под скептическим взглядом быстро сказала: – Нет, не беременна.

– Хорошо, – тоном, словно я лично его чем-то оскорбила, произнес представитель муниципалитета.

Мы шли мимо могил, и я невольно косилась на надписи. «Здесь покоится Бартоломео Скромный. Он никогда не шумел при жизни – и после смерти просит того же». Под ней кто-то дописал: «Но иногда все же напевает».

Возле сторожки мужчина остановился и бросил на меня удивленный взгляд через плечо. Видимо, рассчитывал, что я умудрюсь потеряться на прямой аллее.

– Моргвуд, ты там живой? – представитель стукнул набалдашником трости по двери. – Или хотя бы одет?

Все-таки странные у него приоритеты.

В окно высунулась лохматая и бородатая рожа.

– На кладбище орать не принято, – недовольным тоном сообщил мой потенциальный коллега. – Тут либо спят, либо о вечном думают.

– Дай новенькой осмотреть сторожку, – как-то излишне лениво приказал представитель.

– Баба? – удивилась рожа в окне. – Ой, то есть женщина? А что она тут забыла?

– Работу, – процедила я сквозь зубы. – Если представитель муниципалитета и недоволен был фактом возможной беременности, то сначала все равно комплимент отвесил. А эта нехорошая личность сразу зашла с козырей шовинизма. – Собственно, за тем же, что и вы. Или я не права?

– Ух, какая обидчивая, – рожа смачно зевнула. – Ну, заходите. Только на экскурсию можете не рассчитывать.

Оно и понятно. Домик-то маленький. Одна комната – она же кухня, она же столовая, она же спальня. И туалет. Нам троим было внутри тесно.

– Гардеробных тут нет, – насмешливо фыркнул Моргвуд. Постель характерно примята, да и одежда на мужчине находилась в беспорядке. А еще в сторожке отчетливо пахло спиртом. Хоть какая-то дезинфекция.

– Одежду я предпочитаю хранить дома, – крошки на столе с изрезанной скатертью заставили меня поморщиться. – И это, – я указала на картинку с девицей в нижнем белье, висящую прямо напротив кровати, – нужно убрать. Иначе я справа повешу изображение человеческого тела в разрезе. А слева – мужчину без одежды.

– А вы умеете быть убедительной, – задумчиво пробормотал представитель.

А вот Моргвуд скривился. Подозреваю, что это его красота висит.

– В целом мне все понятно, – строгим тоном проговорила я. – Теперь об обязанностях.

– Да какие тут обязанности? – представитель выразительно посмотрел на Морвунга. – Главное, чтобы на кладбище все было спокойно. Самопробужденных духов – упокоить, пойманного на проведении ритуала поднятия зомби некроманта – выставить вон, мародеров и нарушителей тишины – напугать. Ах, да, вы же женщина. В драку самой не лезть. Вот тут у нас, – он указал на кнопку, спрятанную в не приметном шкафчике, – сигнал для вызова стражи.

– И быстро прибегают? – с сомнением уточнила я, прекрасно зная, что если ночью в подворотне орать «Убивают!», максимум можно дожидаться катафалка. И то утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.